

"Входило солнце
В город солнца.
И воздух был прозрачный,
Ранний,
Просвечивающий изнутри".
Белла Ахмадулина

КРОМЕ НЕСРАВНЕННОГО Юрия Пименова, подарившего миру очарование оттепели с её новостройками, девушками в юбках-колокол и дорогой в будущее, что шла через постижение трудностей, в СССР имела целая когорта мастеров, славивших настроение дня.

Тому пример — Владимир Гаврилов (1923–1970), чьё столетие со дня рождения отмечает Третьяковская галерея (в здании на Крымском валу). К сожалению, эти юбилейные проекты, инициированные Новой Третьяковкой, несут на себе печать обязаловки и мероприятий "для галочки". Вместо расширенной экспозиции мы наблюдаем несколько работ в проходном зале номер 28, и хорошо, если кто-нибудь остановится и прочтёт скудную информацию на стенде. Ровно так же было с Борисом Неменским и с братьями Ткачёвыми. Коснуться до всего слегка. Декать, мы помним. А вспомнят ли зрители? Если не знать, так и пройдёшь мимо. Гаврилов достоин того, чтобы о нём говорили.

Вместе с тем картины подобраны с большим вкусом, и это нельзя не отметить. Полотно "Свежий день" (1958) — это ветер, воздух, ожидание грядущего. Смеющаяся девушка на фоне воды, искрящейся солнцем. В самом названии — знак эпохи. Свежий день и свежий восторг от всемерной полноты бытия. Общество жило в состоянии радости, и она воспринималась как преддверие ещё большего счастья. Термин "социальный оптимизм", которым так любили оперировать бойцы нашего агитпропа, был реален в 1950-х–1960-х годах. Восстаивая из пепла страна в считанные годы вырвалась вперёд, сделав космос навеки русским. Отсюда тот фестиваль-но-юный дух творчества.

Один из приёмов Гаврилова — смещение композиции, и всё то, что по идее должно быть в центре, у него — с краю или боку, словно художник ловит моменты движения. Нечто подобное было тогда в фото- и киноискусстве, и даже в литературе, когда важно состояние потока, но при этом сохраняется гармония устойчивости. Девушка в белой юбке смещена влево, да ещё и "попала в кадр" не вся: её ноги и лодка, в которой она стоит, нам не видны. Ощущение зыбкости — героиня завязывает косынку, и покачивание лодки буквально передаётся внимательному созерцателю.

Дерзкую композицию мы наблюдаем и на полотне "За родную землю" (1959), где солдат и провожающая его мать находятся по краям холста, образуя некую раму, тогда как центральную часть занимает группа воинов, идущих вдали. Низкое, строгое небо, жёсткие и скупые мазки, патетический минор. Эра оттепели — это не только солнечный восторг, но и суровый стиль, направление, задачей коего было горевание чистой правды о грязных сапогах. Возникла и окопная, "лейтенантская" проза о том, что подвиг — это не столько феерия триумфа, сколько запачканные бинты и желание покурить да выспаться.

ВНИМАНИЕ ПРИВЛЕКАЕТ жанровая сцена "Кафе. Осенняя непогода" (1962) с одинокой девушкой, сидящей спиной к зрителю. Общественные пространства, будь то площадь, заводской цех, дом культуры, всегда были в центре внимания у советских мастеров, однако в период оттепели ненадолго появился новый объект — кафе-стекляшка, место молодёжных встреч, которые ещё не назывались тусовками. Там, за тонконогими столиками, сидели физики и лирики, выясняя модные истины: "правы ли экзистенциалисты", "есть ли жизнь на Марсе" и "нужна ли ветка сирени в космосе?"

Болтали о высоких материях с таким ироничным видом, будто всё-то по плечу, особенно кибернетика. Эти стекляшки, воспеты в кинокомедии Эльдара Рязанова "Дайте жалобную книгу" (1964), уже в следующем десятилетии превратились в забегаловки с липкими столами и хмурой уборщицей, беззлбно и вяло покрывавшей на едоков. А пока — аромат пластика и чистенькие окна, за которыми льёт дождь. Но что это? Темноволосая героиня одинока и расстроена. Мы не видим её лица — только абрис фигуры с осиной талией.

Здесь вырисовывается кинематографическая фабула. Две рюмочки с коньяком и брошенная пачка сигарет. Некто, нам не видимый, отошёл, быть может, заказать кофе — любимый напиток на тех посиделках. Или ушёл, оставив девушку в смятении? Оттепель породила как светлые, весенние чувства, вспыхи-

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

О выставке Владимира Гаврилова в Новой Третьяковке

вавшие на студенческих вечеринках и в турпоходах, так и осенние расставания безо всяких обязательств. Как у Евгения Евтушенко: "Я разлюбил тебя... Банальная развязка. / Банальная, как жизнь, банальная, как смерть".

Неслучайно в СССР были популярны романы Франсуазы Саган с её печальными трюеточиями вместо финальной свадьбы под фанфары. "Кафе. Осенняя непогода" — одна из беспорочных удач Гаврилова. Художнику удалось совместить минор с мажором в той ценной пропорции, какая случается лишь в минуты подлинного вдохновения. Дождливый вечер, плач природы за окнами контрастирует с яркостью помещения и каким-то волшебным переливом от тус-то-оранжевого к ярко-жёлтому. Особый штрих — уютные огни соседних домов. Как в песне: "Московских окон негасимый свет".

Тот же приём с вечерними окошками — на картине "Мастер спорта СССР Елена Тяжелова" (1967). В те годы популярной была гимнастика — спортивная и художественная. Неслучайно Иван Ефремов в своём "Лезвии бритвы" (1963) делает гимнасткой одну из ведущих героинь — Симу Металлину. Грация, пластика, телесное совершенство — такими рисовались эталонные люди отте-

пели, строители коммунизма. Всё чаще повторялась фраза из пьесы Антона Чехова: "В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли". При том яростно отрицалась эротичность див западного шоу-бизнеса и рекламный шик суперменов. Но вернёмся к портрету. Перед нами изящная гимнастка в чёрном трико на аллом ковре. Она увиденна в момент сложного пассажа — и тут Гаврилов не изменяет себе, смещая центр композиции чуть вправо. Портрет Елены Тяжеловой интересен ещё и тем, что экспонируется впервые, являясь своего рода искусствоведческим открытием.

ТРОГАТЕЛЬНЫЙ МОТИВ "Лесные колокольчики" (1965) — результат ежегодной работы в доме творчества "Академическая дача" под Вышним Волочком. Сдержанная красота русской природы, тёплый вечер и так называемые сиреневые сумерки: в них очертания предметов словно бы растворяются. В своих натюрмортах Гаврилов раскрывался как великолепный колорист, чувствовавший цвет и его оттенки, волны, капризы. Похоже, что и мы осязаем шершавость стола и вдыхаем тот лесной воздух, который бывает только летом и только в средней полосе.

"Ожидание. Начало жизни" (1962) чем-то напоминает религиозный сюжет, как ни странно это звучит. Беременная женщина в белом платье держит в руках столь же белую лилию — один из символов Богородицы. Мужчина рядом с ней явно старше по возрасту, смотрит не на жену, а в пространство, да и она сосредоточена всё больше на своих думах и на цветке.

Тема счастливого материнства — одна из популярных в советском искусстве. "Молодые матери" (1970) — это гимн стабильности и обещание дивного будущего, рассказ не только о мамах, но и о малышах. Тот, кто родился в период с 1968 по 1973 год, может смело называть своё детство лучшим. Ни до, ни после оно не выглядело настолько праздничным: с одной стороны, ушли все тяготы века, а с другой — ещё не наступила перестройка с её раздром и распадом. Три мамы и солнечный зимний день, причём в трактовке теней и снега чувствуется влияние Константина Юона и в большей степени Игоря Грабара.

Собственно, эта выставка — ещё одно подтверждение, что соцреализм — это не стиль, а метод, позволявший использовать практически любые течения: импрессионизм, фовизм, сезаннизм. Полотно Гаврилова — это череда "впечатлений", impressions, да и по манере его легче назвать импрессионистом, а не реалистом.

Гаврилов много трудился над постижением природы, выезжая на пленэр, однако на выставке представлена единственная работа — "Бесенний ручей" (1970). Дух пробудившейся почвы, талая вода, что вот-вот станет потоком, и небо. Тот оттенок серого, что не вызывает уныния.

Итак, маленькая выставка всё же даёт представление об авторе. Сопроводительная табличка гласит, что Гаврилов относился к поколению творцов, чьё детство пришлось на довоенную пору, а становление — на годы войны. Работал на фронтах в качестве фронтового художника — тут имеется общая точка сборки с Борисом Неменским и одним из братьев Ткачёвых. Кстати, у Гаврилова с Неменским есть совместная вещь — "По родным местам" (1944). Жаль, что не удалось увидеть её в экспозиции. Если не придираться, то замысел Третьяковки — интереснейший. Это не только временной промежуток — столетие. Тут мысль поглубже: явить мастеров, что выкованы Победой.

Гаврилов не был оставлен фортуной: в его послужном списке масса наград, включая золотую медаль и диплом Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Вене в 1959 году за картину "Свежий день". В отличие от своих коллег, Гаврилов прожил недолгую жизнь — кратко, но такие насыщенные 47 лет. Ушёл на пике творческой активности. Но его "Свежий день" и свежий взгляд всегда с нами.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: работа художника Владимира Гаврилова «Свежий день» (1958)

БЕЗ/БЕС ГОЛЛИВУДА

Эра американского кино завершается

ГОДА ТРИ НАЗАД я решил устроить небольшой эксперимент: смогу ли обойтись без голливудских фильмов и сериалов? Хватит ли контента, произведённого всем остальным миром, для того чтобы удовлетворить мои запросы на движущиеся картинки?

Как потребитель символического продукта, как потребитель символического, того, что принято сегодня называть "контентом", должен признать, что движущиеся картинки для меня — контент номер один. Это фильмы, сериалы, ролики в "Ютубе", видеомызыка, компьютерные игры. Хочу поделиться несколькими наблюдениями за самим собой — потребителем движущихся картинок.

Во-первых, я стал смотреть музыку. Есть стереотип жизни "в музыке", укравшись от всего мира наушниками, но я больше смотрю музыку, слушаю музыку глазами, музыка для меня должна быть привязана к видеоряду.

Во-вторых, всяческую аналитику, видеоблогинг любой масти я всё больше слушаю, это такое видеорадио для меня.

Я продолжаю много читать, чему очень рад. Не скажу, что некий континуум чтения мне было поддерживать легко. По нескольким причинам. Думаю, многие сталкивались с этим. Был период, когда я

читал мало, но сейчас всё в порядке. Более того, я воспринимаю чтение сегодня как терапию, как лекарство от всеобщего отупения. Какое-то время я провожу в социальных сетях, но гораздо меньше, чем некоторые думают. Однако видеоконтент сегодня для меня — номер один.

Так вот, решил я попробовать обойтись какое-то время без голливудских фильмов и сериалов. А собственно, почему я решил устроить этот опыт? Если честно, надоела голливудская пропаганда. Практически все голливудские фильмы сегодня продвигают грубо и жирно глобалистскую социальную жерению. Надоело быть подопытным кроликом.

Почти не стало голливудского кино вообще, безотносительно чего-либо, по самое главное. Там сейчас всё абсолютно и неприкрыто ангажировано. Голливуд всегда играл на поле культурных политик, но раньше это было не столь тотально. И не без фирменного, очень подкупающего голливудского большого стиля. Сегодня там совершенно утрачено даже способность к большому стилю, голливудскому шику, очаровательному пижонству. Голливуд выдавал когда-то и гуманистические фильмы. Прямо по-настоящему. Будем честны, в 1990-е годы после самоустранения советского кино, Голливуд в семейных фильмах учил нас всё-таки преимуще-

ственно хорошему. И это в том числе не позволило нам тогда озереть окончательно. А сейчас всего этого там нет. Совершенно неинтересно смотреть весь нынешний голливудский преходящий пропагандистский кинематографический мусор. Надоело! Раньше всё это было тоньше. Пишу даже не без некоторой обиды. Сегодня все торпятся (не знаю почему), все стали неряшливыми. Я считаю, что мы заслуживаем более тонкой работы.

Ещё одна причина. Мне очень интересно проверить следующее предположение. Сегодняшнее торжество и даже доминирование Голливуда обусловлено в том числе и огромностью медийной инфраструктуры в мире, избыточностью логистики по доставке символического, огромным количеством теле-, интернет-, соцмедиа-каналов. За крайне редкими исключениями, практически ни один национальный, локальный рынок не способен заполнить на сто процентов сложившуюся инфраструктуру символического и логистику по доставке контента. Именно эта избыточность является глубинным экономическим базисом для дминирования американского контента в мире. И мне сейчас очень интересно исследовать, набирается ли в безголлливудском мире контент для этой самой инфраструктуры? Я понимаю, что моё исследование кустарно и субъективно, но кое-что понять можно. Или оказаться на подступах к пониманию ситуации.

Кстати, ещё кое-что. Я исследую всё-таки мейн-стримовое, массовое, адресованное широкой аудитории кино. Бессмысленная и убогая артхаусная жвачка мне неинтересна.

ИТАК, ПЕРВЫЕ предварительные результаты. Нашего национального кино-контента недостаточно. Хорошего кино у нас выходит немного. Вообще некая киномасса, из которой можно что-то выбрать, у нас пока скудная. Нет-нет, тенденция сейчас хорошая. Пристойных фильмов становится всё больше. Ведь и опыт неудач — это тоже полезный опыт. Есть уже масса примеров, которые про "старались, но не получились". Не получилось по разным причинам. И это "не получилось" достойно и просмотра, и даже разговора о нём.

Например, я ругал фильм "Союз спасения", но его вполне можно посмотреть в ситуации самоизоляции на малом экране, там есть много кинокрасивостей, можно поспорить. А вот сериал с тем же названием получился весьма достойный, хотя с некой корневой позицией авторов я не согласен. Удивил своей трогательной, даже милой, но очень правильной дидактикой "Чебурашка". Совершенно по-новому, интонационно по-новому, сделан сериал "Фишер". Подбираются наши кинематографисты к своей интонации и в жанровом кино. Всё будет! Словом, порываться в отечественном кинемейнстриме вполне можно. Но его всё равно недостаточно.

А чем же его можно дополнить? И вот тут я хочу поделиться своими недавними открытиями. Очень приятными. Большое личное открытие — современное индийское кино. Как и многие, я пребывал до недавнего времени в плену стереотипов: в индийском кино все пучат глаза, поют песни и танцуют. Конечно, есть там и такое. Но наличествует и

многое другое. Современное индийское кино очень отзычиво. В нём можно найти и прекрасные социальные высказывания, и спецэффекты, сделанные на высочайшем уровне...

Но всё это одобрено чем-то очень человеческим, немногом детским и очень настоящим. Смотря индийские фильмы, я вспомнил себя ребёнком, своё очень детское и на самом деле правильное восприятие кино. Давно со мной такого не было. Рекомендую всем начать с трёх фильмов, в которых играет умопомрачительный Амир Хан, ставший настоящей суперзвездой на китайском рынке. Это "Три идиота" (2009), "Звёздочки на земле" (2007) и "Дангал" (2016). Их легко найти, они неплохо переведены на русский. Если хорошо зайдёте, дальше можно уже погружаться в бесконечную вселенную индийского кино.

Очень порадовали корейцы. И я даже пока не имею в виду тут всё всевозможных дорам. В эту пучину нужно погружаться отдельно, вдумчиво. Я пока про кино. Даже тут есть множество интересных. Во-первых, корейцы научились интересно показывать свою историю. Очень рекомендую такие фильмы, как "Астрономия" (2019) и "Королевский портной" (2014). Это просто очень хорошее, устойчивое кино о страстях, благородстве. Во-вторых, кроме классических корейских дорам, уже появляется целый поток праймовых корейских сериалов. Более понятных нам. В-третьих, там есть и просто вдумчивое, душевное, доброе кино — "Таксист" (2017). В-четвертых, можно найти и отменные жанровые фильмы — тут и постапокалипсис ("Поезд в Пусан"), и фильмы-катастрофы ("Пеплопад"), и много другого.

НУ И КИТАЙЦЫ. Тут всё совсем по-взрослому. Китайцы производят множество всего. Из последних кино впечатлений — обе части "Блуждающей Земли" (2019). Замечательный образчик прекрасной, с крутыми спецэффектами научной фантастики. Так сейчас в Голливуде уже не делают. Вообще, в поисках китайских фильмов очень рекомендую обращать внимание на наличие заставки — красный дракон на зелёном фоне. Это означает, что фильм снят при поддержке тамошнего аналога нашего Фонда кино. Это такой знак качества, если угодно. Не знаю, как вам, а мне очень понравились два первых фильма из цикла о Судье Ди. Очень круто и даже волшеббно там показан Китай эпохи Тан. Настоящая усадба для глаз. Кстати, посмотрите и "Битву у Чосинского водохранилища". Очень эффектное патриотическое и антиамериканское кино. Уже есть на torrentах дублированные китайские сериалы. Там есть из чего выбрать. Ну и отдельным пиком над всей китайской сериальной оиной стоят "Списки архива Ланьня". Даже не знаю, с чем это сравнить. Тут и тема мести, и некоторые исторические фантазии, и подобие тайфуна...

Как видите, в мире много чего есть. Моё предварительное заключение — обойтись без голливудской кинопропаганды вполне можно. И если после этого опыта другого кино посмотреть что-нибудь голливудское, то как-то иначе оно воспринимается. Каким-то обезвреженным, что ли... или даже чем-то провинциальным, сугубо англосаксонским. А ведь я ещё не исследовал ямайские и нигерийские фильмы ужасов. Внутренне готовлюсь к погружению в японское кино, о котором мы знаем очень немного, кроме аниме и чего-то такого по-артхаусному тягучего. Собираюсь также исследовать феномен времён времени появляющихся лидеров национального кинопроката — от Вьетнама до Бразилии. Желаю всем прекрасных личных открытий!

Евгений ФАТЕЕВ

Кадр из фильма «Блуждающая земля» (2019). Производство КНР

КУЗНЕЦОВ

Поэзия мифа
и символа

Мы продолжаем презентацию проекта "Свечечки", размещённого на сайте zavtra.ru. Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

ТВОРЧЕСТВО Юрия Поликарповича Кузнецова (11 февраля 1941 — 17 ноября 2003) с конца 1960-х годов, с "Атомной сказки", которая поставила неожиданную, но бесспорную точку в тогдашнем жарком споре между советскими "физиками" и "лириками", вплоть до его кончины, то есть на протяжении почти четырёх десятилетий, постоянно оставалось на виду и на слуху не только любителей поэзии, но и гораздо более широких слоёв нашего общества. И теперь, почти через два десятилетия после кончины поэта, оно не стало достоянием истории, но продолжает растворяться в настоящем и будущем, насыщая их особыми смыслами.

Попытки поставить под сомнение статус Кузнецова как одного из крупнейших русских поэтов конца XX — начала XXI века всё ещё заглушаются живым рокотом его стихов, которые вобрали в себя силу всех русских стихий: земли, воды, воздуха и огня. Почти все кузнецовские образы существуют на стыке этих стихий и на стыке жизни со смертью. Рождённое гибнет, умершее воскресает — "это русская жизнь без отъезда..." Но вовсе не бессмысленный и не бесцельный круговорот.

Тесная связь с мифом и символом уже давно стала общим местом всех оценок поэзии Юрия Кузнецова. При этом значение и направленность мифа и символа в его творчестве изменялись — и не в духе времени, но предсказывая и даже направляя этот дух. До середины 1980-х кузнецовская мифология уходила корнями в глубины древнейших, ещё языческих народных мифов и легенд — причём не только славянских. Самые "эпатажные" его строки того периода: "Я лил из черепа отца / За правду на земле...", — кажется, так и не были прочитаны в свете летописного рассказа о трагической гибели киевского князя Святослава Игоревича. А поэма "Змеи на маяке" так и не была воспринята в качестве пророчества гибели Советского Союза — "маяка для всего человечества".

С этой особенностью напрямую был связан и принципиальный отказ поэта отождествлять себя с "винтиком" или же любой иной частью общества и государства, утверждая самую не столько своей личности, сколько своей сущности: "Звать меня Кузнецов. Я один, / Остальные — обман и подделка..." В этой своей самости и особенности, не нарушая её цельности, Юрий Кузнецов считал себя вправе "говорить на равных" с Гомером, Данте, Шекспиром и Пушкиным, не менее того ("Молчание, Трапикан и Рубцов, / Поэты русской резервации...").

Кого-то такая "самость", "атомарность" или "ячность" восхищала, у кого-то — наплевир, вызывая раздражение и отторжение, но равнодушным не оставляла, воспринималась как возможность выхода не только из устоявшихся форм поэтической социальности: хоть громко-эстрадной, хоть тихо-лиричной, — но и устоявшихся форм социальности вообще. Кузнецов всегда был "сам по себе", и слово "был" здесь означает, прежде всего, уникальное мастерство владения русским поэтическим словом, для которого не было неприступно-недоступных тем — здесь можно указать на такие произведения, как "Тегеранские сны", "Петрашка" или "Сказка гвоздя" с угловато-немислимскими строками: "Я прошёл до родного вождя. / На селе, дозвора, ни гвоздя, / Разговоздился и свищет планидал..." (выделено мной. — В.В.)

Уроженец кубанской земли, в раннем детстве оставшийся без отца, который погиб на Великой Отечественной войне, переживший Карибский кризис 1962 года в составе советского военного контингента на Кубе, вступивший в КПСС в 1975 году, Юрий Кузнецов не был ни партийным, ни советским поэтом. Но уж тем более не был он поэтом антисоветским. Он был поэтом русским. А потому, когда на смену советскому мифу пришёл миф либеральный и вывел или, может быть, выдал Кузнецова за пределы его собственного "атомарного" мифа, поэт начал создавать некий новый народный миф. Переломным моментом здесь можно считать "Чёрный октябрь" 1993 года, когда по горячим и кровавым следам расстрела Дома Советов он написал:

Что мы делаем, добрые люди?
Неужели во имя любви
По своим из тяжёлых орудий
Быют свои... неужели свои?..

Тогда же на разгром ельцинской властью газеты "День", предшественницы "Завтра", откликнулся стихотворением "Адская новость":

С Востока свет,
мы разумеем: "День"...
Из бездны вышел
мрачный Дант, как тень.
— Что ново в аду? — его спросили.
Ответил Дант:

— Всё то же, что в России,
Но видно, дышат с вами не в ладу:
Он запретил газету "День" в аду.

Первую годовщину "Чёрного октября" отметил шедеврально абрисом, связавшим октябрь 1917-го с октябрём 1993-го, с эпиграфом из пушкинской "Осени":

Октябрь уж наступил...
А.С. Пушкин

С любовью к октябрю Россия уевает,
Она жива сегодня, завтра нет.
Зажи смену и плачь!
Уж осень отряхает
Кровавые листья —
их так любил поэт.
Народная слеза в осадок выпадает,
Народная тропа уходит на тот свет.

А ведь "тот свет", "бездна", "ад" — это сферы, требующие уже не просто кровно-народной (мало этого!), но прежде всего духовно-религиозной общности. Кузнецовская трилогия "Путь Христа" — как раз отражение поисков такой общности "своих", способной и спуститься в ад, и вознестись после этого на Небо. Поиски далеко не ортодоксальные, и в места, куда при этом забрёл поэт, мало кто хаживал, а найденное там, удивленное и сказанное им по этому поводу (тем более — умолчанное или сказанное между строк и между слов) ещё долго будет оставаться тайной, которая "сама себя хранит".

Владимир ВИННИКОВ

СМОТРИТЕ ТЕЛЕКАНАЛ «ДЕНЬ»